

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЭТИЧЕСКИХ КОНЦЕПТОВ В ТЕКСТАХ СОНЕТНОГО ЦИКЛА У. ШЕКСПИРА

*Работа представлена кафедрой английской филологии
Уссурийского государственного педагогического института.*

В статье рассматриваются структура и способы вербализации этических концептов, репрезентированных в цикле сонетов У. Шекспира. Автор исходит из предположения, что путем редукции индивидуального и фиксирования общего в разнообразных дискурсивных реализациях концепта можно выявить его структуру на уровне культуры.

Ключевые слова: *концепт, концептосфера, составляющая концепта, дискурс, сонет, концептуальная оппозиция.*

REPRESENTATION OF ETHICAL CONCEPTS IN THE TEXTS OF SONNETS BY W. SHAKESPEARE

The article views the structure and language representations of ethical concepts, actualised in the texts of sonnets by W. Shakespeare. The author proceeds from the assumption that it is possible to reveal the structure of a concept on the cultural level by means of reducing everything individual and fixing the common in its various discourse realisations.

Key words: *concept, conceptual sphere, constituent of a concept, discourse, sonnet, conceptual opposition.*

Художественное творчество является неотъемлемой частью культуры, а регулярное потребление его продуктов – непременным атрибутом повседневной жизни каждого индивида. Объектами отражения и, следовательно, основаниями для формирования концептов становятся не только элементы окружающего нас материального мира, но и порождения воображаемых авторских миров. Концепты этих миров усваиваются сознанием в результате знакомства с произведениями художественной литературы и других видов искусства. В современной нарратологии для обозначения такого свойства художественного текста, как вымышленность изображаемого в нем мира, используется термин «фикциональность» [9, с. 243]. *Фикциональности* противопоставляется фактуальность, т. е. принадлежность к реальному миру. Свойства, которые проявляются в отношении вымысла и действительности, зависят от того, под каким углом зрения они рассматриваются. Один ракурс позволяет судить о том, что в вымысле нет ничего такого, чего не было бы ранее в действительном мире. Согласно другой точке зрения, действительность изобилует тем, что ранее было вымыслено [7, с. 73].

В генезисе картины мира фикциональное начало играет не менее важную роль, чем фактуальное. Будучи объектами постоянной рефлексии со стороны членов социума, феномены, являющиеся основаниями для образования лингвокультурных концептов, непременно подвергаются регулярному художественному осмыслению. Ряд текстов, яв-

ляющихся результатами этого осмысления, становятся общеизвестными (прецедентными) и, в свою очередь, обогащают структуру концепта новыми элементами. Объем накопленного человечеством текстового достояния, важная роль, которую потребление различных типов текстов играет в культуре, делают неизбежным присутствие фрагментов воображаемых миров в любом лингвокультурном концепте. Все это, как отмечает Г. Г. Слышкин, «дает возможность говорить о фикциональной составляющей как о непременной характеристике лингвокультурного концепта» [7, с. 74]. По сути, фикциональная наполненность концепта есть частное проявление его ценностной природы: чем актуальнее ценность для социума, тем интенсивнее ее воплощение в художественных текстах.

Выявив фикциональное содержание британских морально-этических концептов, можно сформировать гораздо более полное представление об их структуре. Путем редукции индивидуального и фиксирования общего в разнообразных дискурсивных реализациях концепта можно выявить его структуру на уровне культуры.

Этические концепты в высшей степени аморфны для *ratio* условного носителя языка, поскольку под одним и тем же именем объединяются многообразные и иногда весьма противоречивые свойства, доступные интуиции. Содержание культурных концептов редко совпадает в дискурсивной интерпретации их содержания у разных представителей одной культуры. Выявление структуры этических концептов возможно путем исследо-

вания сочетаемости номинирующих их абстрактных имен с глаголами и дескриптивными прилагательными. В этом случае к анализу сочетаемости абстрактных имен следует подходить как к исходной, а не конечной точке. Хранятся эти проекции в сознании, а точнее, в подсознании коллектива и отдельного индивида. То, что в рамках англосаксонской культуры *совесть* мыслится как некий предмет, обладающий вполне ощутимой поверхностью (to get smth off one's conscience «сбросить что-либо с совести», to have smth on one's conscience, to lie heavy on one's conscience «лежать на чьей-либо совести»), само по себе мало что говорит, ибо как подобный же предмет мыслится также *душа* (*soul, heart*). Поэтому выявление сочетаемости лексемы *conscience* с перечисленными предикатами недостаточно для выявления структуры концепта, его репрезентируемого. Терзает (*torture, torment*) не только *совесть*, но и *страх*, так что и предикат «терзает, мучает» сам по себе недостаточно информативен. Но из сочетаемости предикатов вырисовывается концепт *conscience*.

В. И. Карасик, выявляя структуру концептов – духовных ценностей, предлагает *многослойную полевую модель* лингвокультурного концепта и выделяет в ней образную, понятийную и ценностную составляющие [5, с. 127]. Развивая концепцию В. И. Карасика, С. Г. Воркачѐв выделяет в семантическом составе лингвоконцепта помимо понятийной, образной и ценностной, также значимостную составляющую. *Понятийная составляющая* отражает дефиниционную структуру концепта, *значимостная* – определяется местом, которое занимает имя концепта в языковой системе [2, с. 86]. По мнению С. Г. Воркачѐва, «определить понятийную составляющую изначально возможно «апафатически», через отрицание: это – то в содержании концепта, что не является метафорически-образным и не зависит от внутрисистемных («значимостных») характеристик его языкового имени» [3, с. 80]. Термин «значимостная» в концепции С. Г. Воркачѐва восходит к Ф. Соссюру, который назвал совокупность имманентных характеристик, определяющих место языко-

вой единицы в лексико-грамматической системе «значимостью» (*valeur*) [8, с. 113–114, 146–148]. Исследовать ее Соссюр призывает не только по «оси одновременности», в синхронии, но и по «оси последовательности», в диахронии [8, с. 114]. Последняя ось в случае значимостной составляющей лингвокультурного концепта раскрывается, по мнению С. Г. Воркачѐва, как «этимологическая память слова»*, фиксирующая эволюцию внутренней формы лексической единицы, путь ее «этимона» [3, с. 123–124]. В синхронии значимостная составляющая лингвоконцепта описывается прежде всего через внутрипарадигматическую «равнозначность» и «разнозначность» ЛСВ этого имени: отношения синонимии и омонимии в границах соответствующей словарной статьи. В число значимостных характеристик концепта входит, по предположению автора, также соотношение частеречных реализаций его имени, его словообразовательная продуктивность [3, с. 124]. ЛСВ конкретных частеречных реализаций имени концепта вступают в *ассоциативные* отношения (тематические, парадигматические, синтагматические). Очевидно, что именно ассоциативные отношения имен – репрезентантов концепта (концепт духовной сущности крайне редко имеет одно ключевое имя) формируют составляющую концепта, которую С. Г. Воркачѐв называет значимостной. В данном исследовании будем опираться на концепцию модели концепта С. Г. Воркачѐва в целом, однако назовем составляющую лингвоконцепта, индуцируемую разного рода ассоциативными отношениями имен, имеющих внеконтекстную связь с концептом, *ассоциативной составляющей* концепта. Выбранный термин точно отражает содержание данной компоненты и особенно адекватен при моделировании структуры этических концептов. Последние существуют в национальном и индивидуальном сознании в виде бинарных оппозиций, при этом актуализация одной из доминантных концептуальных оппозиций неизбежно вызывает актуализацию других в силу существования прочных ассоциативных связей между ними. *Образная составляющая* этических концептов может

включать в себя, на наш взгляд, либо некое наглядно-чувственное представление о прототипической ситуации (ситуациях), в которой реализуется тот или иной нравственный принцип («мыслительную картинку»), либо комбинацию когнитивных метафор, выводимых носителем языка из сочетаемости абстрактного имени.

Рассматривая дискурсивные реализации этических концептов с целью выявления их фикционального и общекультурного содержания в художественных произведениях рубежа XVI–XVII вв., нельзя не коснуться творчества У. Шекспира. В произведениях Шекспира отражены величие и трагизм его эпохи, страдания и радости его современников, их пороки, слабости и добродетели. Шекспир был человеком эпохи Возрождения и остался великим поэтом на все времена. По меткому наблюдению Н. А. Добролюбова, Шекспир принадлежал к числу тех писателей, которые «были одарены так богато природою, что умели инстинктивно приблизиться к естественным понятиям и стремлениям, которые только еще искали современные им философы... Мало того: истины, которые философы только предугадывали в теории, гениальные писатели умели схватывать в жизни и изображать в действии» [4, с. 458–459]. Тексты произведений У. Шекспира стали прецедентными в британской лингвокультуре, что обуславливает их адекватность в качестве источника языкового материала при исследовании национальных концептуальных доминант.

Из чрезвычайно богатого и отличающегося жанровым разнообразием литературного наследия Шекспира целесообразно, на наш взгляд, избрать в качестве текстового материала для концептуального анализа **цикл сонетов** Шекспира. У. Шекспиру принадлежит цикл из 154 сонетов, точная датировка каждого сонета неизвестна, но установлено, что все они написаны в 1592–1598 гг. и опубликованы отдельной книгой в 1609 г. Преимущество сонетного цикла в качестве источника материала для данного исследования состоит в ограниченности его объема при высокой концентрации идей: исследователи давно обратили внимание на тесную

связь сонетов и драматургии Шекспира, являющейся апофеозом его творчества [6, с. 45–47], эта связь проявляется не только в органическом сплаве лирического элемента с трагическим, но также в том, что идеи и страсти, одухотворяющие шекспировские трагедии, живут и в его сонетах.

Тематика сонетов крайне разнообразна – человек с его деяниями, чувствами и духовным миром; природа, которая его окружает; выражение внутреннего мира человека через образы природы; общество в котором существует личность. И все же специфика сонетной формы обусловлена прежде всего универсальной ее приспособленностью к передаче *ощущения диалектики бытия*. В работе Иоганнеса Роберта Бехера «Философия сонета или маленькие наставления по сонету» подробно раскрыто и обосновано определение сонета как диалектического жанра. По мнению И. Р. Бехера, «сонет отражает основные этапы диалектического движения жизни, чувства или мысли от тезиса, через антитезис к синтезу (положение – противоположение – снятие противоположностей)» [1, с. 552]. Все основные требования сонетного канона прочно связаны с диалектическим характером этой поэтической формы и возникли в поисках наиболее совершенного способа воплотить диалектическое содержание. Именно сонетная форма позволяет отразить богатство идей Шекспира, неслучайно многие монологи Гамлета написаны в сонетной форме.

Сонеты Шекспира охватывают широкий спектр тем, начиная любовью, дружбой, красотой природы и заканчивая различными сторонами общественного бытия. Так, в *26-м сонете* появляются понятия вассальной зависимости (*vassalage*) и посольских обязанностей (*ambassage*). В *46-м сонете* встречаются юридические понятия и соответствующие им термины: «ответчик отвергает иск» (*the defendant doth that plea deny*). В *10-м сонете* возникает образ, навеянный понятиями экономики (*the lease of my true love*). Такое разнообразие отражаемых в сонетах аспектов человеческого бытия исключает возможность очевидного доминирования этических концептов в когнитивной структуре текста.

Однако именно многогранность содержания сонетов позволяет адекватно оценить степень актуальности каждого концепта в индивидуальной концептосфере автора.

Особое место в цикле благодаря своему явно выраженному социальному и нравственному звучанию занимает 66-й сонет. В тексте сонета затрагиваются нравственные ценности, которые автор считает наиболее значимыми, поприение которых приводит его «лирического героя» к отчаянию, разочарованию и желанию уйти из жизни. Одно это свидетельствует об акцентуации ценностной составляющей реализуемых концептов. Рассмотрим текст сонета:

Tired with all these for restful death I cry,
As to behold desert a beggar born,
And needy nothing trimmed in jollity,
And **purest faith** unhappily forsworn,
And gilden **honour** shamefully misplaced,
And **maiden virtue** rudely strumpeted,
And right perfection wrongfully **disgraced**,
And strength by limping sway disabled,
And art made tong-tied by authority,
And folly (doctor-like) controlling skill,
And **simple truth** miscalled simplicity,
And captive good attending captain ill.
Tired with all these, from these would I be gone,
Save that to die, I leave my love alone [10].

Приведем один из возможных вариантов подстрочного перевода:

Устав от всего этого, я призываю целительную
смерть,
Видя достоинство, что просит подаянья,
И пустое ничтожество, весело красующееся,
И **чистейшую веру**, злосчастно обманутую,
И позлащенные почести, воздаваемые
недостойным,
И девичью **честь**, грубо поруганную,
И истинное совершенство, недостойно
оскорбленное,
И силу, затираемую хромой властью,
И искусство, которому связывает язык власть,
И глупость, с ученым видом контролирующую
знание,
И **прямоту**, обзываемую глупостью,
И порабощенное добро, прислуживающее
руководящему злу.
Устав от всего этого, я хотел бы уйти,
Но, умирая, я оставляю мою любовь одну.

В тексте сонета репрезентированы концепты, которым Шекспир, очевидно, придает доминантный статус в рамках представленной в цикле индивидуальной морально-этической концептосферы: «честь» (*honour, disgraced*), «честность» (*truth*), «целомудрие» (*maiden virtue*), «верность» (*purest faith*).

Этот вывод подтверждается и анализом частотности лексем, актуализирующих указанные концепты во всем цикле. Средством *концентрированной апелляции*** к концептуальной оппозиции «honour» – «dishonour» являются лексемы *worth* (19 употреблений в цикле сонетов), *worthiness* (3 употребления), *honour* (9), *dignity* (2), *dignify* (3), *noble* (2). Дисперсивно рассматриваемый концепт реализуется лексемами *grace* (16), *disgrace* (8), *glory* (8), *glorious* (1), *respect n.* (4), *respect v.*(2), *unrespected* (3), *shame* (11), *shamefully* (1). Важно отметить, что основным репрезентантом концепта «honour» в сонетах Шекспира (как и в «Кентерберийских рассказах» Чосера***) является исконная англосаксонская лексема *worth*, в то время как французские заимствования *honour* и *dignity* значительно уступают в частотности употребления. Итак, в текстах сонетов концептуальная оппозиция «honour» – «dishonour» реализуется не менее 82 раз, при этом необходимо учитывать, что все апелляции к другим доминантным этическим концептам («honesty», «chastity», «loyalty» и пр.) одновременно являются средствами *дисперсивной апелляции* к концепту «honour». «Honour» (честь) и «honesty» (честность) сближаются, в частности, в следующем контексте, где лексемы их репрезентирующие соединяются сочинительным союзом: *Take all my comfort of thy worth and truth* (37 сонет).

Концептуальная оппозиция «honesty» – «dishonesty» отличается в сонетном цикле высокой значимостью. Она репрезентирована целым рядом лексем: *truth* (26 употреблений), *true* (41), *untrue* (2), *falsehood* (14), *false* (19), *falsehood* (3), *falsely* (2), *lie* (8), *lie v.* (3), *cheater* (2), *deceive* (4), *frank* (1). В общей сложности в текстах *154 сонетов* насчитывается 125 случаев концентрированной и дисперсивной апелляции к рассматриваемой

оппозиции. Номинативная плотность концепта и высокая частотность его репрезентантов в поэме позволяет сделать вывод о его актуальности и акцентуации ценностного элемента в его структуре. Наличие интенсивной ценностной составляющей в структуре концепта «honesty» подтверждается фактами его реализации в одном контексте с концептом «beauty», обладающим в данном фикциональном воплощении ярко выраженной положительной ценностной составляющей. Ср.:

As **truth** and **beauty** shall together thrive (14);

Thy end is **truth's** and **beauty's** doom and date (14);

O truant Muse what shall be thy amends
For thy neglect of **truth** in **beauty** dyed?
Both **truth** and **beauty** on my love depends;
So dost thou too, and therein dignified.
Make answer Muse: wilt thou not haply say,
«**Truth** needs no colour, with his colour fixed;
Beauty no pencil, **beauty's truth** to lay;
But best is best, if never intermixed?» (101)

Fair, kind, and **true**, have often lived alone,
Which three till now, never kept seat in one (105).

В текстах сонетов Шекспира лексема *fair* употребляется, главным образом, в значении «прекрасный». Поскольку концепты «красота» и «правда» актуализируются в общем контексте, они обладают в данных условиях дискурса идентичным ценностным компонентом: *правда* столь же прекрасна, сколь и *красота*.

Ценностные составляющие концептов «honesty» и «dishonesty» индуцируются посредством употребления его репрезентантов в атрибутивных и предикативных конструкциях с пейоративной и мелиоративной лексикой. Ср.: *fair truth* (137 сонет), *thy true-telling friend* (82 сонет), *and in our faults by lies we flattered be* (138 сонет), *so foul a lie* (152 сонет) и др.

Так как значительная часть цикла посвящена проблемам человеческих отношений, любви и дружбе, актуальность концептуальной оппозиции «верность» – «неверность» обуславливается жанровой принадлежностью исследуемого текста. В тексте

сонетов выявляются следующие случаи концентрированной апелляции к данной оппозиции: существительное *faith* (*вера, доверие*) употреблено 5 раз, существительное *trust* (*вера, доверие*) – 5 раз, *constancy* – 3 раза, *betray* (*предать*) – 4 раза, *perjure* (*нарушить клятву*) – 4 раза. Помимо этого концептуальная оппозиция «верность» – «неверность» реализуется в сонетном цикле *дисперсивно*, в частности, посредством употребления лексемы *oath* (6 раз). Ср.: *but why of two oaths' breach do I accuse thee* (152). Средством дисперсивной апелляции к концепту «верность» является также лексема *true*, которая во многих случаях репрезентирует не только концепт «честность», но и концепт «верность». Ср.:

No love, my love, that thou mayst **true love** call (40);

O! lest your **true love** may seem false in this
That you for love speak well of me untrue... (72);

Hence, thou suborned informer! a **true soul**... (125);

Which many legions of **true hearts** had warmed (154) и др.

Количество апелляций к концептуальной оппозиции «верность» – «неверность» в тексте сонетов уступает количеству апелляций к рассмотренным выше концептам, однако *акцентуация* ценностной составляющей в структуре концепта делает его одним из доминантных этических концептов, организующих когнитивное пространство сонетов: *honest faith* (152); *purest faith* (66); *how many lambs might the stern wolf betray* (96); *for I have sworn deep oaths of thy deep kindness, oaths of thy love, thy truth, thy constancy* (152); *lust is perjured, murderous, bloody, full of blame, savage, extreme, rude, cruel, not to trust*... (129) и пр.

Интересно отметить, что в последнем контексте *способность вызывать доверие* противопоставляется целому ряду пороков, таких как «жестокость», «несдержанность», «грубость» и пр.: *страсть способна на клятвопреступление, убийство, кровопролитие, постыдна, беспощадна, несдержанна, груба, жестока, ей нельзя доверять*. При этом «неверность клятве» (*perjury*) приравнивается к убийству: «*lust is perjured, murderous, bloody*...».

Концепт «temperance» играет в когнитивном пространстве сонетов не менее важную роль, чем в поэме Э. Спенсера «Королева Фей», где этой добродетели посвящается отдельная книга. В цитируемом выше 129-м сонете поэт страстно осуждает не только *неверность*, но и *страсть* и, соответственно, проявления *неумеренности* вообще:

The expense of spirit in a waste of shame
Is lust in action: and till action, lust
Is perjured, murderous, bloody, full of blame,
Savage, **extreme**, rude, cruel, not to trust;
Enjoyed no sooner but despised straight;
Past reason hunted; and no sooner had,
Past reason hated as a swallowed bait,
On purpose laid to make the taker mad.
Mad in pursuit and in possession so;
Had, having, and in quest to have **extreme**;
A bliss in proof, and proved, a very woe;
Before, a joy proposed; behind a dream.
All this the world well knows; yet none knows well
To shun the heaven that leads men to this hell.

Приведем один из возможных вариантов подстрочного перевода:

К напрасной постыдной трате духовных сил
Приводит страсть, никогда не знающая покоя,
Способна на клятвопреступление, убийство,
Беспощадна, несдержанна, груба, жестока, ей
Страсть находит удовлетворение только
В неразумном преследовании цели, которую
В бессмысленной ненависти, она подобна
Которую умышленно подложили, чтобы свести
Безумие в преследовании и в обладании,
В бесконечном неутолимом желании иметь
Счастье тому, кто гонится за предметом
Впереди смутно маячащая радость, позади лишь
Все это известно миру от века, но никто не знает
Чтобы избежать рая, ведущего в ад.

Необходимо отметить, что лексема *lust* в ранненовоанглийский период употреблялась в значении «страсть». Однако в структуре значения лексемы уже к середине XIV в. индуцировалась сема отрицательной оценочности, и существительное *lust* стало употребляться в значении «похоть». К этому моменту в словарном составе языка уже существовало нейтральное в оценочном смысле французское заимствование *passion*. Шекспир употребляет лексему *passion* в других контекстах [Ср.: *A woman's face with nature's own hand painted, Hast thou, the master mistress of my passion* (20 сонет)], однако в рассматриваемом сонете прибегает к слову *lust*. Таким образом, в данной фикциональной реализации концепт «страсть» обретает интенсивный негативный оценочный аспект, в структуре его ассоциативной составляющей индуцируются признаки «жестокость», «предательство», «грубость», «беспощадность», «стыд», «презрение», «ненависть». В тексте рассматриваемого сонета насчитывается 15 лексем, содержащих негативную оценку в структуре лексического значения (*shame, blame, woe, bloody, savage, rude, cruel, murderous, hell* и др.). Лексема **extreme**, репрезентирующая в данном контексте концепт «неумеренность», употребляется в сонете дважды. При этом в первом случае она находится в одной предикативной цепочке с прилагательными *bloody, savage, cruel, murderous* и пр., а во втором – в силу самой организации сонетной формы ассоциируется с крайним несчастьем (*woe*). Ср.:

Had, having, and in quest to have **extreme**;
A bliss in proof, and proved, a very woe.

Таким образом, в данной дискурсивной реализации ассоциативная составляющая концепта «**intemperance**» («неумеренность») включает признаки: «неверность», «жестокость», «предательство», «грубость», «клятвопреступление», «беспощадность», «презрение», «ненависть», «несчастье», «стыд», «безумие», «гибель». Перечисленные признаки составляют фикциональному концепту «**intemperance**» – элемент лингвокультурного концепта, основанный на ассоциативной свя-

зи между концептуализируемым феноменом и фрагментом авторского мира. Не отрицая субъективности данного компонента концепта, нельзя в то же время забывать, что ничто не возникает в сознании индивидуума без влияния культурной среды.

Анализ текстов сонетного цикла позволяет также сделать вывод о значимости в нем концептуальной оппозиции «modesty» – «pride». Методом количественного подсчета в тексте поэмы выявлено 12 случаев употребления существительного *pride*, 18 случаев употребления прилагательного *proud*, 1 случай – наречия *proudly*. Прилагательное *humble* (*скромный, смиренный*) встречается в тексте 3 раза, существительное *disdain* (*надменность, пренебрежение*) – 4 раза, глагол *disdain* (*презирать, смотреть свысока*) – 2 раза, прилагательное *lofty* (*высокомерный, надменный*) – 3 раза, существительное *conceit* (*высокомерие*) – 3 раза, глагол *despise* (*презирать*) – 4, существительное *scorn* (*презрение*) – 2, глагол *scorn* (*презирать, пренебрегать*) – 1, глагол *boast* (*хвастаться*) – 5.

Итак, на основе анализа языкового материала было выявлено, что наибольшей актуальностью и наивысшей позитивной ценностной акцентуацией в текстах сонетного цикла У. Шекспира отличаются морально-этические концепты **honour, modesty, honesty, temperance, chastity и loyalty**.

Морально-этическая концептосфера, репрезентированная в цикле сонетов, явля-

ется индивидуальным, фикциональным воплощением концептосферы национальной. Однако индивидуальное сознание, как отмечалось выше, с неизбежностью отражает динамические процессы культуры. Концепт «honour», доминантный в рыцарский период, по-прежнему сохраняет свою организующую концептосферу роль, при этом наблюдаются изменения в его структуре. В частности, утратили актуальность концепты «доблесть» и «самопожертвование», входившие в ассоциативную составляющую концепта в рыцарский период, так как в исторический слой концепта отошел порождавший их когнитивный признак ядра концепта – «воинственность». При этом формируется ряд новых признаков, что нашло отражение в цикле сонетов. Значимость концептов **modesty, honesty, chastity и temperance** в текстах сонетов обусловлена процессами социального развития Англии: реформацией церкви, утверждением на большей территории государства кальвинизма с его пуританской доктриной, развитием буржуазных отношений. Несмотря на то, что У. Шекспир был ярким представителем английского Возрождения, он отразил в своем сонетном цикле не только идеалы гуманизма с его магистральной идеей права отдельного индивида на счастье и духовное совершенствование, но также прочие объективно существующие изменения национальной идеологии и концептосферы.

ПРИМЕЧАНИЯ

* См.: Апресян Ю. Д. Избранные труды: в 2 т. М., 1995. Т. 2. С. 170.

** В процессе коммуникации апелляции к концепту могут носить концентрированный и дисперсивный характер. При концентрированной апелляции концепт реализуется эксплицитно – при помощи конкретной языковой единицы, имеющей с ним внеконтекстную номинативную связь. При дисперсивной апелляции он формируется в сознании адресата при помощи совокупности значений языковых единиц, которые не являются средствами его номинации [Слышкин Г. Г. Указ. соч. С. 34].

*** См.: Кононова И. В. Становление британской куртуазной морально-этической концептосферы в рамках рыцарской культуры XI–XIV вв. // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. 2009. №1 (57). С. 93.

*** См.: Там же. С. 91.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бехер И. Р.* Философия сонета или маленькие наставления по сонету // Избранные сочинения / пер. с нем.; под ред. Н. Вильмонта. М.: Иностранная литература, 1961. С. 546–579.
2. *Воркачёв С. Г.* Методологические основания лингвоконцептологии // Теоретическая и прикладная лингвистика. Вып.3: Аспекты метакоммуникативной деятельности. Воронеж, 2002. С. 79–95.
3. *Воркачёв С. Г.* Счастье как лингвокультурный концепт. М.: Гнозис, 2004. 236 с.
4. *Добролюбов Н. А.* Избранные философские произведения. Т. 2. М., 1948. 584 с.
5. *Карасик В. И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с.
6. *Михальская Н. П.* История английской литературы: учеб. для студ. филол. и лингв. фак. высш. пед. учеб. заведений. 2-е изд. М.: Академия, 2007. 480 с.
7. *Слышкин Г. Г.* Лингвокультурные концепты и метаконцепты: монография. Волгоград: Перемена, 2004. 340 с.
8. *Соссюр Ф.* Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. 695 с.
9. *Шмид В.* Нарратология. М.: Языки славян. культуры, 2003. 311 с.
10. *Shakespeare W.* Sonnets. URL: <http://poetry.eserver.org/sonnets/>

REFERENCES

1. *Bekher I. R.* Filosofiya soneta ili malen'kiye nastavleniya po sonetu // Izbrannye sochineniya / per. s nem.; pod red. N. Vil'monta. M.: Inostrannaya literatura, 1961. S. 546–579.
2. *Vorkachyov S. G.* Metodologicheskiye osnovaniya lingvokontseptologii // Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika. Vyp.3: Aspekty metakommunikativnoy deyatel'nosti. Voronezh, 2002. S. 79–95.
3. *Vorkachyov S. G.* Schast'ye kak lingvokul'turny kontsept. M.: Gnozis, 2004. 236 s.
4. *Dobrolyubov N. A.* Izbrannye filosofskiyе proizvedeniya. T. 2. M., 1948. 584 s.
5. *Karasik V. I.* Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs. M.: Gnozis, 2004. 390 s.
6. *Mikhal'skaya N. P.* Istoriya angliyskoy literatury: ucheb. dlya stud. filol. i lingv. fak. vyssh. ped. ucheb. zavedeniy. 2-e izd. M.: Akademiya, 2007. 480 s.
7. *Slyshkin G. G.* Lingvokul'turnye kontsepty i metakontsepty: monografiya. Volgograd: Peremena, 2004. 340 s.
8. *Sossyur F.* Trudy po yazykoznaniiyu. M.: Progress, 1977. 695 s.
9. *Shmid V.* Narratologiya. M.: Yazyki slavyan. kul'tury, 2003. 311 s.
10. *Shakespeare W.* Sonnets. URL: <http://poetry.eserver.org/sonnets/>